

Н. Н. Павлюченков

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

«ШЕСТОДНЕВ» АРХИЕПИСКОПА АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО КАК ПАМЯТНИК ЭПОХИ¹

Имя Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского (1641–1702) достаточно хорошо известно. Он оставил довольно значительный след как в истории Русской Церкви, так и в истории Российского государства. Обратившись из раскола, он прошел обучение в Патриаршей школе Московского Чудова монастыря и при патриархе Иоакиме в течение почти трех лет участвовал в переводческой деятельности, в процессе которой, очевидно, хорошо изучил церковное святоотеческое наследие.

Первым результатом этих трудов было участие Афанасия в известном диспуте со старообрядцами в Кремлевской Грановитой палате и написании вслед за этим большого сочинения «Увет духовный» (1682).

В том же году он отправился из Москвы в Холмогоры в качестве первого епископа вновь учрежденной епархии, которой управлял в 1682–1702 годы, и уже там создал трактаты, направленные на этот раз, главным образом, против латинства: «Книга о пресуществлении» (1688) и «Щит веры» (1690). Эти работы, до сих пор еще не достаточно исследованные, имели огромное значение для Русской Церкви в конце XVII века. Их печатали (или готовили к печати) и в большом количестве списков рассылали по епархиям и монастырям.

В отношении истории Российского государства имя Афанасия Холмогорского связано, конечно, в первую очередь, с деятельностью Пе-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Русская религиозная мысль второй половины 19 — начала 20 в.: проблема немецкого влияния в условиях кризиса духовной культуры» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

тра Первого. Известно, что Петр, по крайней мере, трижды посещал владыку в Холмогорах и принимал от него помощь на строительство в Беломорье оборонительных укреплений. По Двинской летописи известна и еще одна встреча царя с архиепископом Афанасием, состоявшаяся в Москве в Великий пост 1697 года, на которую царь пришел «в ночи не со многими своими ближними людьми», то есть это была ночная беседа «один на один», на которой, очевидно, обсуждались весьма секретные вопросы. Чего хотел Петр, можно только предполагать, но известно, что в 1701 году из-под пера владыки Афанасия вышло сочинение

Архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов). Парсуна. Конец XVII — начало XVIII в.

«Описание трех путей из державы царского величества, и с поморских стран, в Швецкую землю и до столицы...». Через год, летом 1702 года, два фрегата Петра прошли из Белого моря через Онежское и Ладожское озера на Орешек почти точно по одному из путей, указанных в сочинении архиепископа Афанасия.

Ко всем этим особенностям холмогорского владыки в области церковного и государственного служения довольно неожиданно добавляется еще один малоизвестный факт: судя по всем имеющимся сведениям, Афанасий Холмогорский был первым в России человеком, начавшим систематические наблюдения звездного неба в телескоп. В этом смысле, это был «русский Галилей», который, правда, отстал от настоящего Галилея на три четверти века и не потряс обывателей впечатляющими открытиями типа гор на Луне и пятен на Солнце. Популярная литература представляет Афанасия как основателя первой российской астрономической обсерватории, которая располагалась сначала в «задней келье» архиерейского дома, а затем, вероятно, на колокольне построенного архиепископом в Холмогорах кафедрального Спасо-Преображенского собора (1685–1691). В связи с тем, что, придавая большое значение летописям и другим историческим документам, Афанасий устроил на колокольне этого собора помещение для архива, можно предположить, что и наблюдения неба он вел с этой же самой высокой точки тогдашнего Русского Севера.

Никита Пустосвят. Спор о вере. Худ. Перов В. Г. 1880–1881 гг. Собрание ГТГ. На полу изображен архиепископ Афанасий, на щечке которого Никита «запечатлел крест»

В этой связи можно попытаться предложить несколько новый взгляд на еще одно произведение владыки Афанасия — на его «Шестоднев». Это сочинение до сих пор не имеет точной датировки и обращало на себя внимание исследователей лишь эпизодически.

«Шестоднев» архиепископа Афанасия известен по трем спискам², из которых наиболее интересен тот, что находится в Архангельском собрании БАН и имеет две пометки: «От библиотеки архиерейския холмогорския» и «Сия книга Шестодневец преосвященнаго Афанасия архиепископа Колмогорскаго и Важескаго келейная, писана рукою самаго архиерея». Впервые этот список был опубликован в журнале «Странник» в 1883 году³ и достаточно кратко рассмотрен в единственной до сих пор монографии о жизни и трудах владыки Афанасия, которая вышла в 1908 году⁴.

Кроме того, насколько известно, «Шестоднев» холмогорского архиепископа в XX веке исследовался еще только один раз, когда в кон-

² БАН, Архангельское собрание, Сб. 279; ГПБ, Соловецкое собрание, № 991 / 1100; РПБ, Собрание Ундольского, № 180.

³ Знаменский П. В. «Шестоднев» Афанасия архиепископа Холмогорского // Странник. 1883. № 12. С. 565–594.

⁴ Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 633–650.

Панагия, переделанная из драгоценного украшения турецкой чалмы. Принадлежала архиепископу Афанасию. Была пожалована ему царевной Софьей

Афанасий Холмогорский и Петр Первый. С сайта Сообщества иллюстраторов: <http://illustrators.ru/illustrations/870234>

це 1980-х годов было осуществлено научное издание рукописи и сделаны некоторые замечания обзорного характера, выдержанные, правда, еще в духе советского периода⁵. В книге «Русский Север»⁶, изданной Поморским университетом в конце 1990-х годов, «Шестоднев» представлен как наиболее полное выражение мировоззрения Афанасия, а в справочных источниках указывается, что данное произведение относится к пограничной эпохе, когда жанр «Шестоднева», существовавший со времен свт. Василия Великого, прекращал свое существование, уступая место специальной научной литературе.

О возможной связи «Шестоднева» Афанасия Холмогорского с его астрономическими наблюдениями нигде не говорится, хотя уже при первом обзоре текста обращает на себя внимание характерная деталь: имен-

⁵ См.: Панич Т. В. Особенности «Шестоднева» Афанасия Холмогорского // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 5–24; Панич Т. В. Мироздание в представлении книжника XVII в. (на материале «Шестоднева» Афанасия Холмогорского // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 305–321; Панич Т. В. «Шестоднев» Афанасия Холмогорского // Христианство и Церковь в России феодального периода (Материалы). Новосибирск, 1989. С. 136–193.

⁶ Булатов В. Н. Русский Север. Книга третья: Поморье (XVI — начало XVIII вв.). Архангельск: Издательство Поморского университета, 1999.

Успенский собор г. Холмогор, построенный при архиепископе Афанасии. Фотография начала XX в. из Музея архитектуры им. А. В. Шусева

но четвертому дню творения уделяется больше всего места — 18,5 листов из общего количества 76 листов рукописи. Ни один день творения не занимает Афанасия так, как тот, в который были созданы небесные светила и звезды. Для сравнения, у свт. Василия Великого толкованию на 2-й и 3-й дни отведено почти в полтора раза больше места, чем толкованию на 4-й день. У Афанасия же 4-й день по количеству отведенного на него места превосходит все другие разделы «Шестоднева».

Есть и другая важная особенность, которая относится уже к самому толкованию на 4-й день. Традиционной для этого дня полемике с астрологами у Афанасия отведено не так много места (21 процент текста против 27-ми у свт. Василия), но зато гораздо больше уделяется внимания так называемым «тайным» небесным знамениям и прогнозированию погоды.

Следуя в целом «Шестодневу» св. Василия Великого как образцу, Афанасий при этом вносит свои существенные дополнения. После того, как он в толкование на 4-й день внес из преподобного Иоанна Дамаскина названия планет и зодиакальных созвездий, он почти сразу переходит к теме «тайных» небесных знамений. Так, Утренняя Звезда, появляющаяся перед восходом Солнца, знаменует Предтечу пришествия Господня Иоанна и второго Предтечу — великого пророка Илию. Далее, человека, созерцающего звездное небо, владыка Афанасий отсылает к словам ап. Павла о том, что звезда от звезды различается в славе, и к словам свт.

Шестоднев свт. Василия Великого. Последняя четверть XV в. Полуустав. Собрание рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря в Фонде Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Иоанна Златоуста: не можешь быть в добродетели как Солнце, будь как Луна; не можешь быть Луной, будь яркой звездой. Если же не можешь быть звездой яркой, будь слабой, но только на небесах. Луна знаменует собой Ветхий закон и светит ночью, когда нет иного небесного освещения; когда же восходит Солнце, лунный свет уже не требуется. Смена лунных фаз — это знамение воскресения мертвых.

После такого рода «тайных» знамений владыка Афанасий переходит к описанию примет, по которым можно прогнозировать изменения погоды. Здесь он достаточно существенно дополняет свт. Василия Великого. Так, например, свт. Василий очень неопределенно говорит, что появление так называемых «побочных» солнц предвещает «воздушные перемены»⁷. Владыка Афанасий уточняет: если это знамение будет видно на востоке или на западе, то будет сильный дождь и ветер с востока. Если же эти, как говорят теперь, «ложные» солнца, явятся на севере, то будет ветер северный, если на юге, то — ветер южный.

Св. Василий обращает внимание на трехдневный серп «молодой» Луны: если его рога тонкие и четкие, то будет ясная погода; если рога толстые и мутные — будет дождь и ветер. У владыки Афанасия: если трехдневная Луна яркая, тонкая и чистая, то нужно ждать восточный ветер;

⁷ См.: Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 1. Беседы на Шестоднев. М., 1845. С. 102–103.

Центр Холмогор с кафедральным Спасо-Преображенским собором на старой фотографии

если оба рога серпа одинаковой величины, но северный рог «чистее», то будет ветер с запада. «Почернение» и помутнение Луны предвещает дождь и так далее.

Примечательно, что одну примету из «Шестоднева» свт. Василия владыка Афанасий совсем не упоминает. Это вертикально стоящие «столбы» радужного цвета на облаках как предвестники резкого изменения погоды, дождей или сильной морской бури. Можно предположить, что эта примета не «работает» на Русском Севере, а владыка Афанасий пишет ни что иное, как «пособие» именно для местных русских поморов.

И вот здесь, как представляется, можно предложить определенные косвенные свидетельства для датировки окончательного текста «Шестоднева» как написанного уже в Холмогорах, то есть после 1682 года. Можно также дать и общую характеристику «Шестоднева» как текста, предназначенного, прежде всего, жителям Русского Севера. Это некое подобие учебника, призванного формировать мировоззрение помора, в земной жизни которого главным занятием является морской промысел.

В одной из своих поездок на Русский Север мне удалось повстречать интересного человека, который принадлежит к поморам и трудится над восстановлением традиционного поморского быта. В это понятие он вкладывает идею возвращения местных потомственных поморов к прежнему образу жизни, когда человек не мыслил свое существование без моря. В море проходит вся жизнь и море учит жизни. Других вариантов нет, так как не выходящий в море помор неизбежно деградирует духовно и физически. Рассуждая таким образом, этот человек

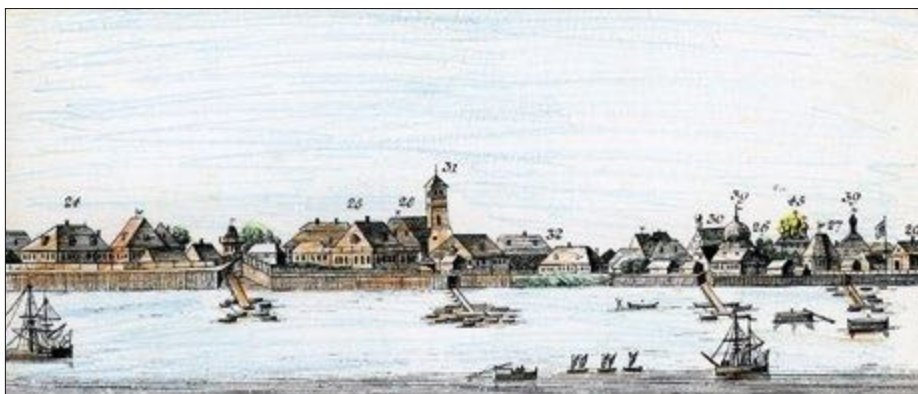
Холмогоры. Собор и Успенский монастырь.

Собор и Успенский монастырь в Холмогорах. Иллюстрация из книги К. К. Случевского «По Северо-Западу России» в 2-х томах. СПб, 1897

признался также и о том, что думает о так называемом «морском богословии». Ему еще не ясно, как все это сформулировать в понятиях, но несомненно одно: именно в море помор открывает для себя Бога не как книжную истину, а как саму Реальность, как любящего Отца, пред которым человек предстоит каждое мгновение своего существования. После этой беседы, читая «Шестоднев» архиепископа Афанасия, остается устойчивое впечатление, что это, прежде всего, как раз и есть то руководство по «морскому богословию», которое было нужно поморам в конце XVII века и которое может быть востребовано и в наши дни.

Не имея возможности вдаваться в подробности, можно отметить, что собственно «Шестоднев» владыки Афанасия предворяется довольно пространном сочинением чисто богословского характера, которое в рукописи, состоящей, в общем объеме из 76 листов, занимает шестую ее часть. Это почти 12 листов текста, имеющего свое название «Написание и предложение от Божественных писаний о пресвятом, пребезначальном и неизреченном в Троице сиятельном Божестве». Здесь излагается христианское догматическое учение о Боге -Троице, о Боговоплощении и святоотеческое учение об ангелах, которые были сотворены Богом в первый день еще до создания всего видимого мира и человека. Наиболее часто владыка Афанасий цитирует здесь свт. Григория Богослова, с его слов указывает на очищающее и боготворящее действие Св. Духа, на единство силы и благодати всей Св. Троицы. В описании Бога превос-

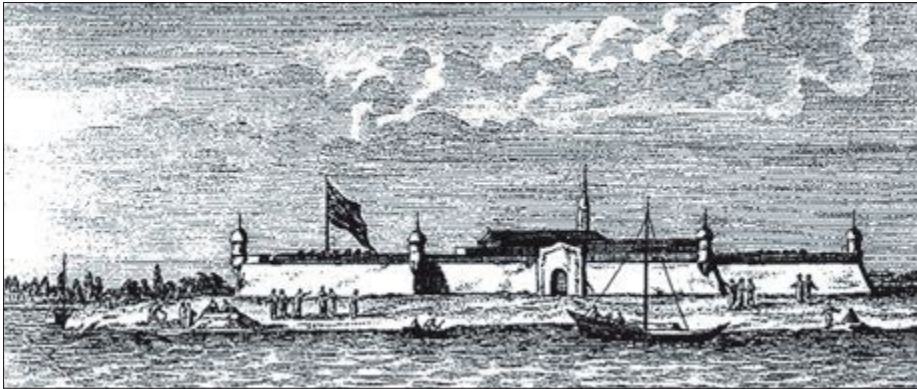

Архангельск. Панорама набережной. Фрагмент голландской гравюры. 1765. С началом Северной войны Холмогоры уступают место административного центра Архангельску

ходные термины такие, как «пресветлый», «преразумный» и другие, дополняются апофатическими: «не качествен, не количествен, не объемом, не преложен, не обмыслим, всех естественных слов превосходяй» (л. 11–12). При этом особое внимание уделяется той истине, что Бог только исключительно по Своей благодати все привел из небытия к бытию (л. 18), а о том, что Бог все содержит Своей животворной силой, говорится дважды: когда речь идет о Св. Троице вообще (л. 12), и отдельно о действиях Св. Духа (л. 13–13об.).

Только после такого «введения» у владыки Афанасия начинается повествование о шести днях творения и об устройстве мира и человека. От учения о Боге, с вершин богословия, Афанасий как бы медленно «опускается», переходит к учению о мире и далее — к практическим нуждам человека. Все взаимосвязано и все направлено к одной цели — утвердить помора в целостной христианской системе мировоззрения.

Можно выдвинуть еще несколько предположений, сопоставляя ситуацию на Русском Севере в наши дни и в конце XVII века. Прибыв в 1682 году в поморские земли, владыка Афанасий нашел там не только глубокое заражение местного населения расколом, но и, как свидетельствуют его окружные архиерейские послания, «проклятое» пьянство, «шкаредомерзкое и злосмрадное табакопийство». Если исторические сведения говорят нам об интенсивных трудах архиепископа Афанасия в области мореходства и промыслов, то это означает, что и мореходство, и промыслы находились в упадке; торговля с Западом уже велась, но главным результатом ее было спаивание и деградация местного населения. Иначе говоря, то, что мы видим в российском Поморье сейчас — это повторение в новых реальностях того, что уже было в давние времена, в конце XVII века. Даже вся эта крайне бурная деятельность Афанасия по каменному и иному строительству в своей епархии, вся его, как отмечается в литерату-

Новодвинская крепость. К. Де Бруин. Гравюра. 1711 год. Крепость заложена Петром I в 1701 г. для защиты Архангельского форватера в связи с началом Северной войны

ре, «страсть» строить, перестраивать, обновлять, украшать, связана с его стремлением отвлечь народ от развивающейся праздности и пагубных пристрастий. Именно в связи с заботой о восстановлении мореходства, а не ради каких-либо научных астрономических изысканий по подобию Галилея, Афанасий направляет зрительную трубу в небо.

Согласно Двинской летописи, в 1692 гду на Архангельской ярмарке один из людей холмогорского архиепископа купил для «архиерейских потребств» семь «трубок окозрительных». Затем, четыре года спустя, в 1696 году, снова для тех же архиерейских нужд у шведских моряков были приобретены «градус да стекло, с которого по градусу смотреть». Очевидно, это были подзорные трубы и самые современные, по тем временам, угломерные инструменты, необходимые для точной ориентировки по звездам в ночном небе. Все это требовалось, в первую очередь, для развития мореходства в Белом море, чему владыка Афанасий не просто всячески способствовал. Он был в этом отношении инициатором и организатором, причем, по всей видимости, полностью взял на себя, как сказали бы теперь, «научно-техническое обеспечение» данного «проекта». В его библиотеке помимо святоотеческих и других переводных и русских сочинений были звездные атласы и математические таблицы, необходимые для разработки вариантов долговременных морских маршрутов. Можно предположить, что, прежде всего, именно в этих целях и сам владыка Афанасий лично вооружался телескопами и измерителями угловой высоты звезд над горизонтом.

Видел ли Афанасий горы на Луне и разглядел ли, подобно Галилею, на месте туманной полосы Млечного пути огромное скопление звезд? Очевидно, что всего этого нельзя было не увидеть, но ничего этого нет в «Шестодневе». Афанасий поправляет тех, кто на основании пророка Исайи (глава 40) видит в звездном небе лишь раскинутый над плоской

Архиереские палаты на территории Холмогорского Успенского монастыря, в которых жил владыка Афанасий. Современное состояние

землей прекрасный шатер. Он говорит, что точно такой же шатер раскинут еще и под нами, то есть звездное небо — это сфера, а шарообразная Земля находится в центре многих концентрических сфер, из которых самая высшая и есть «небо небес», населенное ангелами. Он далек от того настроения, с которым в конце XVII века уже смотрели в небо западные ученые — астрономы. Там после Галилея этот взгляд уже уходил в безбрежные пространства и сначала поражался величию Творца, а затем, блуждая по этой бесконечности звездных миров, потерял всякое чувство гармонии. В развивающейся науке Нового времени космос оказался фактически хаосом и в бесконечной хаотической Вселенной Творец был «утерян».

Для владыки Афанасия же звездное небо по-прежнему есть та воздушная «твердь», в которой по повелению Творца кружат сферы с небесными светилами. И суть дела не в том, что он не видит огромных масштабов мироздания, а в том, что у него другая цель — не увести человеческий разум в космос, а привести его к Богу. Он изучает движения звезд и составляет схемы морской навигации для того, чтобы вновь вывести поморов в море. И так в его деятельности тесно соединяются государственная, церковная и самая главная — архипастырская — забота о вечном спасении своей паствы.

